

Планы экспансии и агрессии нацистской Германии

А. А. Ахтамзян*

Историки и юристы разных стран за время, прошедшее после Нюрнбергского процесса, в дополнение к десяткам томов собственно международного трибунала выявили в архивах многочисленные документы и свидетельства военных преступлений нацистов. Вся совокупность документов и показаний самих нацистских преступников убедительно показывает, что Вторая мировая война была заранее спланированной агрессивной войной с целью захвата территорий других государств и уничтожения целых народов. Нападение нацистской Германии вместе с ее союзниками на Советский Союз также было заранее спланированной агрессией, целью которой было не только завоевание жизненного пространства, но и истребление народов Советского Союза по расовым мотивам.

Агрессия и геноцид — вот два юридически четко обоснованных обвинения, по которым нацистский рейх был осужден мировым сообществом еще в 1945–1946 гг.

Казалось бы, после этого нет места ни для каких разговоров и концепций, оправдывающих нацистскую Германию, и для обвинений в адрес Советского Союза. Однако через полвека после окончания войны на книжный рынок самой России выбрасываются одна за другой книги некоего В. Суворова (на самом деле некоего Резуна), который пытается вывернуть наизнанку давно истрепанные мундиры, чтобы снять кровавые пятна с одних и замарать другие. В самой Германии не только историки, но и политики давно

признали факт совершения преступной агрессии нацистской Германии против Советского Союза. «Историк Резун», совершенно сознательно игнорируя архивные документы и факты, строит концепцию якобы превентивной (т. е. предупреждающей и упреждающей противника) войны Гитлера против Сталина, одновременно обвиняя советских коммунистов в том, что они якобы поощряли нацистов на совершение преступлений, чтобы совершить «мировую революцию». Во имя большой лжи Резун готов признать очевидные факты и назвать Гитлера преступником, мерзавцем и людоедом, но всё это лишь для того, чтобы поставить на одну доску с ним И. В. Сталина, которого весь мир признал в 1945 г. победителем в борьбе против нацистской тирании.

При объективном подходе к обстоятельствам, при которых началась Вторая мировая война и Великая Отечественная война, т. е. при изучении истории войны с целью выяснения истины, точного знания действительных виновников войны и с целью предотвращения войн, приходится констатировать, что на протяжении десятилетий общая картина событий не только дополнялась на основе новых свидетельств и документов, но и изрядно искажалась (в разных странах по-разному) в соответствии с определенными политическими тенденциями, в том числе и в нашей стране.

В первом десятилетии после окончания войны у нас преобладала апологетическая трактовка политики Советского Союза, основанная

* **Абдулхан Абдурахманович Ахтамзян** — д.и.н., профессор кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО (У).

на очевидных фактах. В американской и английской историографии преобладало обвинение Советского Союза в сотрудничестве с нацистской Германией. В Советском Союзе еще в 1948 г. вышла официальная установка в виде исторической справки «Фальсификаторы истории». В период с 1956 по 1964 г. (от XX съезда КПСС, когда был осужден культ Сталина, до Октябрьского пленума ЦК КПСС 1964 г., т. е. до смещения Н. С. Хрущева) проявилась тенденция к критике деятельности и решений И. В. Сталина. Именно в тот период имела место общественная дискуссия о характере Второй мировой войны, ее периодизации, факторе внезапности и причинах неудач Красной армии в начальном периоде Второй мировой войны. Известно, что одним из поводов для дискуссии послужила небольшая книга А. Некрича «Июнь 1941 г.», вышедшая в 1965 г. После ухода с исторической арены Н. С. Хрущева проявилась тенденция иначе взглянуть на начало Великой Отечественной войны. Большим событием и в общественной и в научной жизни страны стало опубликование воспоминаний Г. К. Жукова и книг ряда других военачальников, которые были одновременно ответом на поток мемуаров западных деятелей и германских генералов, которые, по язвительному замечанию У. Черчилля, проиграв войну, взяли реванш в мемуарах. В течение двух десятилетий была подготовлена почва для выпуска фундаментальных многотомных изданий по истории Второй мировой войны, которые появились в США, СССР, Великобритании и других странах.

Архивные исследования и публикации в разных странах стали постепенно самостоятельным фактором в общественном сознании. Научная историография не может и не должна слепо следовать политической тенденции и даже социальному заказу, если она не желает превратиться в дешевую журналистику. После распада Советского Союза в течение 1990-х гг. в нашей стране, к сожалению, открыли «зеленую улицу» именно поверхностной публицистике, резко ограничив возможности публикации научных исследований. Особенно бросается в глаза, видимо, хорошо оплаченная тенденция возложить, точнее, переложить ответственность за войну с А. Гитлера на И. Сталина и, таким образом, с нацистской Германии на Советский Союз. Эта тенденция получила отражение не только в писаниях перебежчика Резуна, выступающего вне России под псевдонимом Суворов, но и в сочи-

нениях таких перевертышей, как Волкогонов. Фальсификаторы исходят из того, что людям можно продать «сенсации» без особых обоснований, но в мире существует сообщество ученых, которые принимают только обоснованные версии. Резун откровенно игнорирует архивные данные, иные публицисты хотят подавить обилием «ранее неизвестных» тайных документов, которые дополняют общую картину, однако не могут опровергнуть основной факт истории Второй мировой войны: Советский Союз противостоял нацистской Германии, Советский Союз освободил народы Европы от нацизма. Попытка президента США Клинтона в 1994 г. предстать в тоге освободителя Европы выглядела, по меньшей мере, как фарс.

Сразу после войны в научный оборот были введены документы Нюрнбергского процесса, в Советском Союзе были предприняты фундаментальные исследования, в частности В. А. Анфилова, О. А. Ржешевского, Д. Проектора, А. М. Самсонова и во многих коллективных трудах. Германские документы появились в виде сборников¹.

В 1990-х гг. (явно по политическому заказу) были опубликованы документы из советских архивов². Эти публикации, несомненно, расширяют круг источников и наши представления о Второй мировой войне, в частности и об обстоятельствах кануна и начала Великой Отечественной войны. Однако и эти документы не могут коренным образом изменить сложившуюся в российской историографии концепцию.

Если раньше имела место тенденция критиковать советское руководство во главе со Сталиным за недостаточно эффективную подготовку к войне и к отпору нацистам, то теперь публикации убеждают нас в том, что И. В. Сталин интенсивно готовился к войне, причем якобы с целью разжигания «мировой революции». Некоторые авторы стремятся из действительно обильного пласта документов сделать вывод: И. В. Сталин готовился к войне, следовательно, на него надо возложить ответственность за ее развязывание. Историческая правда, однако, состоит в том, что благодаря осторожной политике и дипломатии Сталина Советский Союз в 1939 г. остался вне мировой войны и получил дополнительно два года «передышки» для подготовки к отражению агрессии и, как признавал У. Черчилль, для создания «восточного фронта» против нацистской Германии. В Советском Союзе велась подготовка к отражению агрессии уже в условиях вспых-

нущей мировой войны. По существу, это была подготовка к оборонительной войне, хотя, конечно, едва ли планы были рассчитаны на то, чтобы «завлечь агрессора» до стен Москвы. При всем обилии документов среди них нет планов подготовки нападения на Германию.

В 1990-х гг. на книжный рынок в России выброшено огромное количество книг не только западного, но и нацистского происхождения, в том числе записки и воспоминания нацистских главарей типа Й. Геббельса, А. Шпеера, В. Шелленберга и других. Издательство «Русич» в Смоленске выпустило ряд книг в серии «Тиранья»³. Эти и иные издания содержат большое количество свидетельств преступной деятельности нацистов. Они, однако, не меняют, да и не могут изменить сложившуюся концепцию Второй мировой войны, но лишь подтверждают несомненно правильную оценку нападения нацистской Германии на Советский Союз как агрессии, как войны на уничтожение славян, прежде всего русских, да и других наций Советского Союза не столько по идеологическим, сколько по расовым мотивам.

Сколь ни странным покажется цитирование А. Гитлера, тем не менее, согласно записи Гальдера, именно он (Гитлер) еще в марте 1941 г. дал наиболее ясную характеристику предстоявшей войны Германии против России, а именно: «Война в России будет такой, которую нельзя будет вести по рыцарским правилам. Это будет борьба идеологий и расовых противоречий, и она будет вестись с беспрецедентной безжалостной и неутомимой жестокостью. Все офицеры должны отвергнуть от себя устаревшую идеологию. Я требую, чтобы мои приказы беспрекословно выполнялись. Комиссары являются носителями идеологии, противоположной нацизму, поэтому комиссары должны быть ликвидированы. Немецкие солдаты, виновные в нарушении международных правовых норм... будут прощены. Россия не участвовала в Гаагской конвенции и поэтому не имеет никаких прав, вытекающих из нее»⁴.

Задолго до начала войны нацистское правительство и командование вооруженными силами подготовили не только оперативные планы вторжения, но и строго расписанный «новый порядок» на занятых территориях. Германские стратеги развязали мировую войну нападением на Польшу, ее молниеносным разгромом и победным маршем по странам Западной Европы, отложив на более поздний срок выполнение

основной, более сложной задачи — завоевание пространства на востоке. Они исходили из того, что оккупация стран Западной и Северной Европы обеспечит надежный тыл, овладение и обеспечение материальными ресурсами для ведения большой войны, которую они надеялись победно завершить также в кратчайшие сроки.

Агрессия против Польши и последовавшая затем «странная война» на Западе, во время которой английские летчики сбрасывали на позиции вермахта листовки, а германские пропагандисты в ответ выставляли на фронте тучела Н. Чемберлена — «человека с зонтиком», французское правительство вместо подготовки к обороне Парижа посылало на линию соприкосновения с германскими войсками книги для чтения и тысячи (10 тыс.) футбольных мячей — все это было лишь началом затяжной войны. Весной 1940 г. нацисты развернули планы вторжения в страны Европы: «Везерюбунг» — оккупации Норвегии, план «Гельб» — оккупации Бельгии, план «Рот» — разгром Франции. Германские войска за один день оккупировали Данию, за считанные дни прошли через Бельгию и Голландию, прижали к морю в районе Дюнкерка англо-французские войска и дали им возможность эвакуироваться. Линия Мажино была преодолена. Париж был сдан без сражения. Германские войска торжественным маршем прошли через Триумфальную арку.

Тотчас после подписания капитуляции Франции в салон-вагоне маршала Фоша, который 22 июня 1940 г. демонстративно был пригнан на станцию «Ретонд» в Компьенском лесу, германское командование организовало «воздушный блиц» против Великобритании — еженочные бомбардировки Лондона и других английских городов с очевидной целью вывести Англию из войны или начать операцию «Морской лев» по высадке на британских островах.

В июле 1940 г. Генеральный штаб сухопутных сил Германии поручил начальнику штаба 18-й армии (в резерве) генерал-майору Эриху Марксу разработку общей концепции военной кампании против Советского Союза. Имея в виду концепцию «танкового прорыва», выдвинутую генералом Гудерианом, Э. Маркс предложил идею введением в действие ударной группы на южном фланге вторгнуться с территории Румынии, за короткий срок захватить плацдарм на Украине, прорваться в Донбасс и отсюда круто повернуть на север — на Москву. Видимо, предполагалось использовать имеющиеся транспортные линии

для быстрого продвижения и обхода советских войск на фронте от Балтики до верховьев Днепра. Стратегический замысел заключался в том, чтобы отрезать Красную Армию от тылов, навязать сражения «перевернутому фронту» советских войск, не допустив отхода боеспособных частей на восток. План, официально представленный в ОКХ (Верховное командование сухопутных сил), предлагал нанесение удара двумя группировками по линии Ростов-на-Дону — Горький (Нижний Новгород), в обход не только Киева, но и Москвы. Уже летом 1940 г. этот замысел был предметом обсуждения с участием Гитлера, Браухича, Гальдера. Вариант концепции вторжения на направлении «Север» имел название «Этюд Лоссберга» (А. Йодль и В. Варлимонт).

В начале сентября 1940 г. начальником оперативного управления Генштаба назначен 50-летний генерал Ф. В. Паулюс, перед которым поставлена задача разработать план вторжения в Советский Союз силами до 140 дивизий. Начальник Генерального штаба сухопутных сил Ф. Гальдер определил задачу так: разгромить советские войска в западных районах, не допустив их отхода в глубь страны, и выход германских дивизий на линию Волга — Архангельск. Одна из стратегических целей германского командования состояла в том, чтобы лишить советское командование авиабаз в европейской части страны и тем самым исключить саму возможность бомбардировки городов Германии.

В ходе разработки плана агрессии генерал Ф. В. Паулюс, в отличие от генерала Маркса, наметил в качестве первоочередных стратегических целей Ленинград, Смоленск и Киев. Именно Паулюс предложил нанесение удара тремя группами германских армий: «Север» — на Ленинград, «Центр» — на Минск — Смоленск, «Юг» — на Киев. В ноябре 1940 г. германские генералы провели штабные учения (маневры) в местечке Сен-Жермен близ оккупированного Парижа, а 5 декабря 1940 г. Ф. Гальдер доложил Гитлеру результаты разработки плана агрессии в Генштабе.

Установка на подготовку нападения на Советский Союз, несомненно, принадлежала нацистским политическим кругам во главе с фюрером, однако авторами стратегического замысла и плана были, конечно, гитлеровские генералы: Ф. Гальдер, Э. Маркс, Ф. В. Паулюс и другие. Попытка генералов после проигранной войны возложить всю ответственность исключительно на фюрера, разумеется, совершенно несостоя-

тельна. Не только географические параметры, масштабы операций, стратегические соображения, но и политические цели агрессии и быстротечных операций рассчитаны и разработаны военными специалистами, по крайней мере, за полгода до начала войны, точнее почти за год.

Всякий мнит себя стратегом, видя бой со стороны, — отмечали восточные мудрецы. В российской историографии многие остро ставили вопрос об упущениях советских руководителей накануне нападения нацистской Германии на СССР. Давать ретроспективные оценки, конечно, легче, чем реализовать на деле судьбоносные планы отражения агрессии. Нацисты вырабатывали план агрессии втайне. В преступном замысле существенное место отводилось фактору внезапности в военном смысле. Нацистская политика была вероломной в политическом отношении: нацисты цинично пренебрегали договором о ненападении, заключенном за два года до того сроком на 10 лет. В ходе подготовки к агрессии нацисты применяли и методы дезинформации и двойной игры.

Доклад Гальдера фюреру 5 декабря 1940 г. получил одобрение. Гитлер дал дополнительное указание усилить танковыми ударными группами направления «Север» и «Центр». Затем Гитлер обсудил план агрессии с начальником оперативного отдела ОКВ (Верховным командованием вермахта) генералом А. Йодлем и 18 декабря 1940 г. подписал директиву № 21, получившую кодовое название план «Барбаросса». Срок готовности к операции назначен на 15 мая 1941 г.

Стратегический план предусматривал завершение быстротечной операции против России «еще до окончания войны с Англией». Видимо, с этого момента введен в действие психологический дезинформационный фактор: увязка или прикрытие подготовки войны против Советского Союза с планом вторжения германских войск на Британские острова.

Оперативный замысел быстротечной операции или молниеносной войны сводился к тому, что «войсковая масса русской армии будет уничтожена в течение нескольких недель в сражениях с глубоким продвижением танковых частей». Задача состояла в том, чтобы не допустить отхода боеспособных частей в «просторы русской территории». Стратегическая цель — достичь линии Волга — Архангельск.

Германское командование выполняло установку фюрера — достичь стратегической цели до наступления зимы, отгородиться от «азиат-

ской части России» (как если бы она — граница — проходила по Волге), создать воздушные базы и уничтожить промышленность на Урале и за Уралом бомбовыми налетами.

Авантюризм не только фюрера, но и его сообщников-генералов получил выражение не только в переоценке своих сил (в 140 дивизий) против примерно такой же численности советских дивизий, но и в намеченных сроках победного завершения операций до наступления зимы. Германские генералы зимы боялись больше, чем русского солдата. И в этом был кардинальный просчет. Сроки «молниеносной» войны (блицкрига) определялись весьма произвольно, возможно, путем простого деления расстояния до Волги на среднюю скорость продвижения по территории европейских стран, на среднесуточное расстояние продвижения танковых и моторизованных колонн. Характерно для авантюризма германской военщины соревновательное сокращение сроков победы по мере приближения сроков начала операции и, ясное дело, с учетом благосклонного одобрения фюрером рвения воинства. Сопrotивление Красной армии и тем более партизанского движения, возможные потери германской армии в наступательных операциях уже в первые недели войны, похоже, всерьез не взвешивали. Во всяком случае нет документальных свидетельств того, что кто-либо из военных напомнил об этом фюреру. А ведь против недооценки мощи Красной армии предупреждали фюрера посол в Москве граф фон Шуленбург и военный атташе в Москве полковник Кёстринг.

В конце июля 1940 г. А. Гитлер, как бы между прочим, обронил фразу: «Чем скорее мы разгромим Россию, тем лучше». Затем лаконично уточнил задачу: «Пять месяцев на операцию». Генералы в Генштабе, потеряв чувство реального и ответственности, под настроение фюрера наперебой стали называть все более сжатые сроки. Если Э. Маркс первоначально довольно осторожно называл срок в 9–17 недель, т. е. не пять месяцев или 150 дней, а примерно 120 дней, то фельдмаршал Вальтер фон Браухич сократил сроки до 6–8 недель, т. е. до 42 дней (Франция разгромлена за 44 дня!). Разогретый генералами фюрер в беседе с фельдмаршалом Ф. фон Бокком говорил уже о 6 неделях, считая достаточным для разгрома Советского Союза даже 3 недели, т. е. 21 дня (для захвата Польши хватило 18 дней!).

Как говорится по-русски, гладко было на бумаге, да забыли про овраги. В директиве

№21 сроки были все же обозначены с некоторым запасом: готовность к операции 15 мая 1940 г., а завершение быстротечной операции до наступления зимы, до русских морозов. Легенда о «генерале Мороз» станет позже самым сильным аргументом в оправдании провала плана «молниеносной» войны.

План военного разгрома Советского Союза еще до начала войны был дополнен планом экономического разграбления страны. Экономический штаб «Ост» (штаб «Ольденбург») прежде всего поставил задачу: не допустить вывоза или уничтожения продовольственных запасов при отступлении советских войск и намечал реквизицию их сразу после занятия территории противника. В мае 1941 г. штаб «Ольденбург» наметил программу обеспечения продовольствием «всех германских вооруженных сил» за счет России. В записи заседания этого штаба имеется пункт, который свидетельствует о сознательном планировании геноцида: «Десятки миллионов людей будут обречены на голодную смерть, если мы извлечем из страны все необходимое для нас». Г. Геринг прямо предписывал германским оккупационным властям обращаться с Россией как с колонией, со всеми вытекающими из этого следствиями. В ходе войны германские генералы перешли к «тактике выжженной земли».

Именно вермахт, а не только гестапо и СС подготовили приказы для установления режима оккупации на захваченных территориях: приказ «Об особых областях» (13 марта 1941 г.), приказ об обращении с гражданским населением (5 мая 1941 г.), приказ Кейтеля «Об обращении с захваченными в плен советскими политическими и военными работниками» (12 мая 1941 г.), директива «О применении военной юрисдикции в районе „Барбаросса“ и об особых мероприятиях войск». Это все документы были разработаны в порядке подготовки к войне. В ходе же начавшейся войны появились такие директивы, как предписание «О коммунистическом повстанческом движении в оккупированных областях»⁵ (16 сентября 1941 г.) и другие распоряжения, которые абсолютно исключали применение «правил войны» (Гаагской конвенции) в отношении России. «Приказ о комиссарах» (от 12 мая 1941 г.) содержал такие установки для командования вермахта:

1. Политические деятели и руководители (комиссары) подлежат уничтожению.
2. Любо́й офицер вермахта... может принять решение для ликвидации политработника.

3. Политические комиссары не признаются военнопленными и подлежат ликвидации не позднее, чем в транзитных лагерях. „Никакого транспорта в тыл“»⁶.

В директиве от 16 сентября 1941 г. карательные меры обосновывались таким образом: «При этом следует иметь в виду, что человеческая жизнь в странах, которых это касается, абсолютно ничего не стоит и что устрашающее воздействие возможно лишь путем применения необычайной жестокости».

Германские теоретики «современной войны», подобные Кейтелю, исходили из того, что на войне применимы все средства для уничтожения не только войск противника, но и мирного населения, причем давалась такая установка: «Необходимое не требует обоснования». Германские генералы, не говоря уже об офицерах на фронте, считали себя носителями «безжалостной расовой идеи». Печальную известность получил во Франции примененный после ее оккупации германскими войсками «кодекс Штюльпнагеля», по которому производили массовые расстрелы мирных жителей страны. Символом военных преступлений германских нацистов стало название французского селения Орадур. На территории Советского Союза германская военщина совершила тысячи таких преступлений и даже более тяжкие. Когда сегодня на Западе говорят о холокосте, то почему-то не упоминают Бабий Яр под Киевом. Может быть потому, что это было на территории Советского Союза, для которого необязательно сохранение исторической памяти «цивилизованного Запада»?

Чего стоит объективность Резуна как историка, показывает его признание, что он сознательно не использует документы из архивов. Любому школьнику понятно, что приведенные выше факты, секретные предписания и планы германского командования стали известны лишь на судебном процессе в Нюрнберге и позже, когда следователи и исследователи получили доступ к германским секретным архивам. Преступные планы и приказы издаются тайно и остаются в тайне до поры до времени. Вся совокупность фактов и документов, введенных в научный оборот исследователями не только в России и Германии, но во всех странах мира, свидетельствует о том, что нацистская Германия подготовила и совершила нападение на Советский Союз отнюдь не в порядке «превентивной» меры или ответного удара, но как заранее спланированную агрессивную войну — войну с целью уничтожения народов России. В этой

связи представляется неблагоприятным занятием опровержение измышлений и концепции Резуна. И все-таки это необходимо, потому что сочинения Резуна распространяются многотысячными тиражами в России, мультиплицируются на телевидении усилиями таких же «объективных» обозревателей, например Е. Киселевым в фильме «Мировая революция для товарища Сталина», как альтернативная точка зрения. Искажение исторической правды всегда считалось в приличном обществе не альтернативной точкой зрения, а фальсификацией.

В многочисленных выступлениях российского историка профессора В. А. Анфилова убедительно опровергнуты измышления фальсификаторов, но такие выступления оказываются возможными в сегодняшней России лишь в немногих и не в самых массовых изданиях, т. е. на просторах Родины чудесной все еще имеет хождение даже не полуправда, а 100-процентная большая ложь.

Нацистская Германия исподволь готовилась не только к быстротечным военным операциям, предпочитая не думать о возможности затяжной войны, но и к овладению ресурсами Украины, Белоруссии и всей России. Для этого были заготовлены приказы о карательных мерах с целью не допустить, сломить сопротивление населения оккупированных областей. Карательные и принудительные меры были предусмотрены против мирного населения, даже если оно и не вступало в прямое вооруженное сопротивление. Для установления своего господства на оккупированных территориях нацисты создали специальное ведомство во главе с «теоретиком» расовой политики Альфредом Розенбергом, который родился в Ревеле (Таллине) в 1893 г., учился в Москве в Высшем техническом училище, владел русским языком и написал пресловутое сочинение «Миф XX столетия». Еще 20 апреля 1941 г. (в день своего рождения) А. Гитлер объявил, что назначает А. Розенберга министром по делам оккупированных территорий.

По планам А. Розенберга Советский Союз подлежал ликвидации, а его территория расчленялась на пять губерний или, по указанию фюрера, на пять рейхскомиссариатов:

1. «Остланд» — Эстония, Литва, Латвия, а также Белоруссия.
2. Украина, включая Восточную Галицию и Крым.
3. Кавказ с прилегающими нефтяными районами.

4. «Московия» — собственно Россия с неопределенными границами на востоке.
5. Туркестан, в случае продвижения германских войск за Урал (позже этот пункт не упоминали).

Сразу после начала оккупации советских территорий 17 июля 1941 г. образовано собственно министерство А. Розенберга, которому были приданы зондеркоманды, развернувшие свою деятельность по разграблению занятых земель и установлению «нового порядка». Режим оккупации был поставлен под контроль карательных служб рейха, объединенных под крышей Главного имперского ведомства безопасности (РСХА).

Воинские формирования СС были созданы еще до начала Второй мировой войны: к 1939 г. были сформированы 4 дивизии войск СС, в 1940 г. их стало 6, в 1941 г. — 7. За годы войны их количество возросло до 40. Генерал Гудериан оценил эти формирования, в которые стали включать добровольных пособников из разных стран Европы, как «провозвестников европейской идеи». Генерал войск СС П. Хаусер видел основную задачу СС в «борьбе против большевизма»⁷.

Дивизиям СС присваивали собственные имена. Известно, что во Франции террор навела дивизия СС под названием «Райх», на территории Советского Союза дивизии «Викинг», «Тотенкопф» («Мертвая голова» — знак череп) и «Адольф Гитлер». В эти своего рода гвардейские формирования, предназначенные, однако, не для участия в сражениях, а в карательных операциях в ходе войны стали вербовать «арийцев», в том числе из Голландии, Бельгии, Норвегии, а затем и Прибалтики.

На совещании в рейхсканцелярии 16 июля 1941 г. А. Гитлер высказал свои замыслы уничтожения «всех, кто идет против» нацистов. Фюрер определил долгосрочные цели: «Нельзя допустить существования каких-либо вооруженных сил западнее Урала, даже если для достижения этой цели нам пришлось бы вести войну сто лет». Германия должна взять на себя миссию охраны всего пространства до Урала, причем давалась установка такого рода: «Железный принцип на веки веков: никому кроме немца, не должно быть дозволено носить оружие». Привлекать покоренные народы к военной службе считалось ошибкой: «Это рано или поздно обратится против нас самих. Только немец может носить оружие — не славянин не чех, не казак, не украинец». Такова была программа «всеобщего и полного разору-

жения» по фюреру. Долговременной задачей рейха было объявлено создание колониальной империи, управляемой из Берлина. Господство в Европе могло быть достигнуто только путем истребления народов Белоруссии и Украины и России или вытеснением их за Урал.

Планы установления мирового господства предполагали упрочение своих позиций прежде всего в Европе: «Мы, — говорил А. Гитлер, — с 150–200 миллионами немцев станем неограниченными властителями континентальной Европы»⁸.

Многочисленные документы и факты, особенно выявленные в германских архивах, красноречиво свидетельствуют о том, что гитлеровское правительство разработало для реализации далеко идущих захватнических планов детальные планы агрессии и оккупации стран Европы и даже приказы и распоряжения с указанием сроков и исполнителей. На этом фоне выдвигание концепции «превентивной войны» со стороны нацистской Германии не просто абсурдно. Это злонамеренная ложь. В качестве доказательства того, что Советский Союз на основе сталинской концепции мировой революции готовил нападение на Германию, Резун приводит, как он полагает, неопровержимый документ — так называемый «План Жукова».

В многочисленных публикациях профессор В. А. Анфилов убедительно показал историю рукописного документа без названия и без подписей, написанного «убористым каллиграфическим» почерком. Очевидно, это был рабочий документ — проект докладной записки наркома обороны и начальника Генштаба. Документ не был подписан С. К. Тимошенко и Г. К. Жуковым и не был представлен или тем более утвержден главой правительства. Рукопись сохранилась в сейфе А. М. Василевского, а затем после войны, с марта 1948 г., хранилась в архиве главного оперативного управления Генштаба. Не только высшие офицеры, но и историки знали об этом документе очень давно, однако не рассматривали его как действительный и действенный документ кануна войны. Докладная записка могла быть адресована Председателю Совета народных комиссаров, которым в мае 1941 г. стал И. В. Сталин. Этот проект историки называют «Соображения по плану развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками». Так определен документ в первом абзаце рукописи, написанной до 15 мая 1941 г. Историк, естественно, может

сделать вывод, что до этого момента «упреждающего удара» по Германии не было, хотя размышления об упреждающем ударе могли иметь место в Генштабе. Однако степень готовности страны к такой акции могли оценить лишь высшие руководители государства. Проект докладной записки содержит разумные соображения о необходимости выполнить в установленные сроки планы строительства железнодорожных линий, «особенно на львовском направлении», планы выпуска промышленными предприятиями танков и самолетов, боеприпасов и горючего. Можно ли такого рода соображения оценивать как план нападения на Германию или даже как план упреждающего удара? Конечно, нет. Они свидетельствуют скорее о том, что еще необходимо сделать многое на «случай войны», что еще не все готово даже для отражения нападения. Ключевым моментом в «Соображениях» следует признать предложение продумать меры по упреждению противника в момент стратегического развертывания его армий и создания фронта. Но даже не военным историкам понятно, что для такого упреждения надо было обеспечить своевременное развертывание своих армий.

В рукописном проекте, очевидно, имевшемся в единственном экземпляре, содержится такое положение (предложение): «Учитывая, что Германия в настоящее время держит свою армию отобилизованной с развернутыми тылами, она имеет возможность упредить нас в развертывании и нанести внезапный удар. Чтобы предотвратить это, считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий германскому командованию, упредить противника в развертывании и атаковать германскую сторону в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск...» Так прервано цитирование документа профессором В. А. Анфиловым, который помнит суждения по этому поводу, высказанные В. Д. Соколовским, М. В. Захаровым и самим Г. К. Жуковым⁹.

Этот документ — свидетельство того, что в Генштабе исходили из того, что Германия может нанести внезапный удар, поэтому предлагали упредить противника и атаковать его в момент развертывания. Был ли в этом предложении элемент риска и даже дерзости? Конечно, был. Но это предложение, если и было обсуждено, то в весьма узком кругу военных, не говоря уже о том, чтобы быть представленным на рассмотрение высшего руководства. Дело

не дошло не только до составления директивы и её практической реализации, но даже до представления руководству по форме. Совершенно очевидно, что высшие военачальники хорошо представляли себе позицию И. В. Сталина: не давать противнику ни малейшего повода для развязывания войны и таким образом максимально оттянуть начало войны. Период с середины мая до середины июня 1941 г. был, таким образом, критическим моментом кануна войны. Заявление ТАСС от 14 июня 1941 г. представляется логичным продолжением этой линии на оттягивание начала войны. Иное дело, как вели себя политические и военные исполнители этой установки.

При рассмотрении «Соображений по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками», датированных 15 мая 1941 г., следует иметь в виду, что они, видимо, появились под впечатлением от выступления И. В. Сталина на приеме в честь выпускников военных академий 5 мая 1941 г., где Сталин говорил, естественно, о необходимости готовиться не только к оборонительным, но и наступательным операциям. Ведь к этому времени мировая война шла уже второй год. Нацистская Германия «прикарманила полкарты», как выразилась еще в 1939 г. русская поэтесса Марина Цветаева. Нацистская Германия захватила кроме Австрии и Чехословакии, еще и Данию, Норвегию, Бельгию, Нидерланды и значительную часть Франции, ресурсы и промышленный потенциал которых оказались в распоряжении гитлеровских стратегов: 290 млн населения, 400 млн т угля в год, 45 млн т стали, производство 700 тыс. автомобилей в год, не говоря об арсеналах оружия.

Израильский историк Габриель Городецкий в книге «Роковой самообман. Сталин и нападение Германии на Советский Союз», выпущенной на русском языке в 1999 г., утверждает, что И. В. Сталин безоговорочно отверг «Соображения» военных. Однако в России имеются исследования (П. Бобылева, В. Данилова и М. Мильтюхова), авторы которых приходят к выводу, что соображения военных были приняты во внимание и они стали действующим планом, что якобы предполагаемой датой завершения подготовки к наступательным операциям было 15 июля 1941 г. В то же время исследователи не располагают документами, которые подтвердили бы, что Сталин имел свой собственный сценарий войны и дал указания относительно

подготовки «упреждающего удара». Естественно возникает вопрос: кому он мог дать такие указания, если не авторам докладной записки — наркому обороны и начальнику Генерального штаба. Они, как известно, о таких указаниях не рассказывали и после победоносной войны. Точка зрения М. Мильтюхова, похоже, основана на анализе обстановки, но не на конкретных документах или свидетельствах, хотя бы устных.

Весной 1941 г. нацистские главари, например рейхсмаршал Г. Геринг, исходили из того, что «строительство новой Европы при существовании большевистской России в ее теперешних масштабах так или иначе чрезвычайно затрудняется»¹⁰. Нацистские министры уже знали, что в ходе войны отношение к России может измениться и возлагали надежду на то, что занятие южных районов России в значительной степени улучшит положение Германии, прежде всего в области снабжения нефтью и продовольствием.

В докладной записке от 19 апреля 1941 г. на имя рейхсмаршала Г. Геринга министр финансов Лутц фон Крозиг позволил себе выразить сомнение в реалистичности планов вывоза продовольствия из южных районов России, предвидя не только транспортные проблемы, но и способность русских при отступлении оставить оккупантам «сожженные поля и сараи». Министр финансов в нацистском правительстве (на долю которого выпал еще и жребий в последние дни войны в мае 1945 г. побыть несколько дней и рейхсминистром иностранных дел) особенно опасался «многолетней войны» с участием Англии и Америки, самое главное — «войны на два фронта». Особые сомнения министр высказал относительно целесообразности нарушения имеющегося договора с Россией (пакте о ненападении 1939 г.), поскольку это означало бы сближение Америки и Англии с Россией.

Два момента, подчеркнутые фон Крозигом, звучат и сегодня как предупреждения исторического значения:

- «1. Всякое разделение России или же только отделение более крупных областей от России создаст предпосылки для будущих войн в Европе, так как никакой правитель, будь то Сталин или царь, не будет в будущем успокоен, пока не возвратит потерянных районов».
2. В борьбе славян с германцами, ведущейся в течение многих столетий, славяне почти никогда не угрожали германцам силою оружия, а всегда численным ростом. Вопрос упирается в то, сможем ли мы захваченные

в этой войне районы на продолжительное время действительно заполнить германским населением».

Лутц граф Шверин фон Крозиг трезво оценивал возможные потери в войне Германии против России и неизбежное сокращение населения Германии. Он учитывал опыт Первой мировой войны, но не странной войны 1939–1940 гг., проведенной под «гениальным руководством» бескровно. Граф предупреждал, что завоеванное пространство неким будет заселять. В самом деле, уже в годы войны выявилось, что немцы отнюдь не собираются переселяться в завоеванные земли; более того, нацисты насильственно свозили в Германию людей на принудительные работы, не говоря уже об использовании рабского труда военнопленных.

Суждения министра, видимо, отражали настроения и интересы части правящих кругов, особенно деловых и дипломатических, которые настороженно относились к авантюристическим планам нацистов и их генералитета. Они, конечно, исходили не из этических соображений, а из соображений целесообразности, подобно тому как Я. Шахт считал нецелесообразными гонения на еврейский капитал. Министр финансов подчеркнул в служебной записке, что Россия соблюдает условия пакта 1939 г. и соблюдает условия поставок сырья и продовольствия. «Более того, — писал он, — я думаю, что русские из вполне понятного страха сняли бы с себя последнюю одежду, лишь бы только выполнить условия поставки, если бы они даже возражали». В момент, когда по выражению автора записки, «между Россией и нами завязывается война», трезвый голос графа и министра, который, разумеется, исходил из национальных интересов, не был услышан в Берлине, равно как и голос другого графа — графа фон дер Шуленбурга.

Как историк международных отношений и специально отношений между Германией и Советским Союзом (Россией) я должен рассматривать ситуацию 1941 г. не столько с военной точки зрения, сколько с политической, дипломатической. Ситуация в Европе весной 1941 г. была благоприятна для нацистской Германии настолько, что она могла себе позволить беспрепятственное вторжение в Югославию, что отодвинуло на два месяца начало операции «Барбаросса». Союзники Германии — Финляндия, Венгрия и Румыния, а главное, Италия, Испания и Япония — ждали очередного шага А. Гитлера как сигнала для начала реализации своих корыстных интересов.

Великобритания — единственная реальная сила в Западной Европе — после массированных воздушных налетов 1940 г. — не проявляла большой активности военного характера, делая ставку на возможность достичь своих целей дипломатическими средствами, оставаясь вне военных действий, и проявляла склонность к компромиссу с Германией. Достаточно напомнить, что итоги миссии Р. Гесса (10 мая 1941 г.) даже по истечении изрядного срока не стали достоянием исследователей, а были запрятаны еще дальше. Британская дипломатия активно действовала в целях обострения отношений между Германией и Советским Союзом, используя информацию и дезинформацию сторон.

Как складывались дипломатические отношения между Германией и Советским Союзом весной 1941 г.? Германское посольство в Москве (оно располагалось в Леонтьевском переулке близ Тверской) возглавлял опытный дипломат граф фон дер Шуленбург: советниками при нем были также опытные дипломаты фон Типпельских (брат генерала в Генштабе) и Хильгер, много лет проработавший в Москве; военным атташе служил генерал Кёстринг. Посол Шуленбург (граф Фридрих-Вернер фон дер Шуленбург, 1875 г. р.) к весне 1941 г. уже семь лет находился в Москве (с 1934 г.), участвовал в выработке и заключении пакта ненападения 1939 г. и сопутствующих протоколов. Весной 1941 г. в германском посольстве был составлен меморандум, в котором высказано предостережение от недооценки оборонной силы Советского Союза. В апреле посол был вызван в Берлин для доклада фюреру, а вернувшись в Москву, в узком кругу обронил фразу: «Жребий брошен. Война неизбежна». Настроения в посольстве в Москве явно не нравились чинам в Берлине. Еще в январе 1941 г. военный атташе Кёстринг был вызван в Берлин, а на его место прислан полковник Генштаба Кребс, который ранее был помощником военного атташе в Москве. После парада Красной армии 1 мая 1941 г. Кребс немедленно выехал в Берлин для доклада фюреру, а в Москву вернулся генерал Кёстринг. Еще один факт заслуживает внимания: весной того года Москву посетил под видом представителя химических фирм В. Шелленберг. В посольстве он поведал Хильгеру и Кегелю, что Советский Союз будет скоро уничтожен. По сути, он изложил план агрессии и ее цель: достижение еще до зимы «линии А» (Архангельск — Астрахань), занятие Ленинграда, Москвы и Киева. Он вел себя в Москве

довольно развязно, намекая на то, что говорит о планах нападения на Советский Союз с целью дезинформации, точнее, с целью прикрытия подготовки к высадке на Британских островах. 22 июня Шелленберг был назначен на должность шефа 6-го управления РСХА — «Аусланд СС» (политическая разведка). В германском посольстве в Москве советником по экономическим вопросам работал Герхард Кегель, убежденный антифашист, который тесно сотрудничал с советскими органами. После войны он жил в ГДР и в 1980-х гг. выпустил книгу воспоминаний. Замысел плана «Барбаросса» был известен, таким образом, и из источника в германском посольстве в Москве, наряду с сообщениями из иных источников: из Токио от Р. Зорге, из Лондона от У. Черчилля и др.

Нацистская Германия вела интенсивную подготовку к нападению на Советский Союз, не утруждая себя поиском повода для объявления войны или какого-либо основания для разрыва пакта о ненападении. Видимо, поэтому историки мало уделяли внимания разбору ситуации накануне нападения Германии на Советский Союз. Обстоятельства были предельно ясные: нацисты готовили агрессию. У российских историков имеются все основания поддерживать версию о вероломном нападении Германии на СССР. Никаких претензий или требований Германия к Советскому Союзу не предъявляла, опасаясь, видимо, что хотя бы ради оттягивания начала войны, советское правительство пойдет на переговоры.

Ситуация накануне 22 июня 1941 г., в ночь с 21 на 22 июня, подобно мозаике может быть сложена из воспоминаний участников и свидетелей события, а также из кратких телеграмм и записей дипломатов, которые лишь сложенные воедино могут составить картину.

И в Берлине, и в Москве вечером 21 июня и ночью 22 июня, с субботы на воскресенье, отнюдь не царил атмосфера «уикэнда». Напротив, царил атмосфера нервной активности и суесть, прикрываемая показным спокойствием. В Москве — это приглашение в субботу вечером, в 21 час, к наркому В. М. Молотову посла Шуленбурга: советский нарком заявил протест по поводу нарушения воздушного пространства СССР германскими самолетами и потребовал объяснения по поводу слухов о якобы нелояльных действиях Советского Союза. Германский посол сослался на то, что у него нет никакой информации на этот счет. Ночью 22 июня в 1 ч. 17 мин. из германского посольства отправлена «весьма

срочно и секретно» телеграмма о беседе посла с советским наркомом. Но еще в 0 ч. 40 мин. из Москвы направлена телеграмма в советское посольство сделать соответствующее представление Риббентропу.

В Берлине — это привоз полпреда Деканова с переводчиком В. Бережковым к Риббентропу ночью, когда вермахт уже совершил вторжение на советскую территорию.

Ночью в германском посольстве получена телеграмма, предписывавшая Шуленбургу посетить В. Молотова и заявить о начале военных действий вермахта. В начале пятого часа Шуленбург в сопровождении Хильгера посетил В. Молотова в Кремле и заявил, что германские войска ведут боевые действия. В. М. Молотов поставил вопрос: «Это объявление войны»? Никакого ответа не последовало. Германский посол просил обеспечить персоналу посольства беспрепятственный выезд в соответствии с международным правом. Молотов ответил, что выезд посольства будет происходить на основе взаимности. Известно, что персонал германского посольства в значительной части уже выехал из Москвы «на летний отдых», тогда как в Германии оставалось несравнимо большее количество советских граждан. Советник германского посольства Хильгер записал: «На этом мы распрощались с Молотовым — молча, но с обычным рукопожатием». Конечно, это было необычное рукопожатие: ведь издревле рукопожатие означает, что стороны не держат в руках оружия. Переводчик советской стороны Павлов записал, что Шуленбург от себя лично добавил в заключение визита, что считает решение Гитлера безумием. Известно, что граф Шуленбург

оказался причастным к заговору против Гитлера и был казнен 10 ноября 1944 г.

В полдень 22 июня 1941 г. по радио выступил В. М. Молотов, который, заметно волнуясь, сообщил, что нацистская Германия совершила вероломное нападение на Советский Союз. Как восприняли советские граждане вести о войне, находясь на улицах и площадях, во дворах коммунальных домов и в парках, мне запомнилось на всю жизнь. Люди молча выслушали сообщение из репродукторов и приемников, которые были выставлены в окнах домов. Ведь за неделю до этого сообщение ТАСС уверяло, что слухи о войне — провокации. Запомнились слова В. М. Молотова: «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами». Через несколько дней прозвучала песня:

*Пусть ярость благородная вскипает как волна
Идет война народная — священная война...*

Сколь ни парадоксально, на Западе, прежде всего в Англии, нападение гитлеровской Германии на Советский Союз было воспринято с некоторым облегчением и удовлетворением: новый воздушный блиц — бомбардировки английских городов — явно отодвигался, равно как и высадка нацистов на Британские острова. Премьер-министр Великобритании У. Черчилль заявил, что симпатии Британии на стороне России. Он исполнился решимости вести войну до последнего... российского солдата. Би-би-си, еще не желая исполнять «Интернационал», выпустила в эфир запись песни «Широка страна моя родная...». Началась Великая Отечественная война советского народа после почти двух лет войны в Европе.

¹ Совершенно секретно. Только для командования. Документы и материалы // сост. В. И. Дашичев. М., 1967; Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма: в 2 т. М., 1973.

² Великая Отечественная. Накануне войны: в 2 т., М., 1993–1994; Россия XX век. 1941 год: документы: в 2 кн. / науч. ред. В. П. Наумов. М., 1998.

³ Шелленберг В. Лабиринт: мемуары гитлеровского разведчика. М., 1991; Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. Смоленск: Русич, 1993; Геббельс Й. Последние записи. Смоленск, 1993; Митчем С., Мюллер Д. Командиры Третьего рейха. Смоленск, 1995; Пэтфилд П. Рудольф Гесс — сподвижник Гитлера. Смоленск, 1998; Риббентроп И. Мемуары нацистского дипломата. Смоленск, 1998; Шпеер А. Воспоминания. Смоленск, 1998; Митчем С. Фельдмаршалы Гитлера и их битвы. Смоленск, 1998.

⁴ От «Барбароссы» до «Терминала». Взгляд с Запада / пер. Ю. И. Логинова. М., 1988. С. 41–42.

⁵ Безыменский. Германские генералы с Гитлером и без него. М., 1964. С. 173.

⁶ Нюрнбергский процесс. В 7 т. Т. 5. М., 1960. С. 116.

⁷ Hausser P. Waffen SS im Einsatz. Gdttingen, 1953. S. 13.

⁸ Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. Смоленск: Русич, 1993.

⁹ Красная Звезда. 2001. 22 марта.

¹⁰ Анфилов В. А. Без правил // Независимая газета. 2000. 19 апреля.